

ЖИЛИЩНЫЕ И БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ГОРОДАХ (вторая половина XIX—начало XX в.)

Татьяна Зиновьевна ПОЗНЯК,
кандидат исторических наук

Дальневосточная окраина России во второй половине XIX — начале XX в. отличалась высокими темпами урбанизации, которые в силу ряда причин наблюдались только в так называемых южных округах, северные города — Охотск и Петропавловск, хотя и имели городской статус как центры соответствующих округ, внешне ничем не отличались от небольших деревень. Юг же Дальнего Востока — Амурская и южные округа Приморской области с середины XIX в. заселялись и осваивались достаточно интенсивно. Если в 1868 г. здесь было три города, а численность их населения составляла 8859 чел., то на 1 января 1913 г. их стало уже семь и проживало 277 296 чел.¹ Столь быстрые темпы прироста населения привели к созданию в регионе сравнительно крупных городов и формированию новых социокультурных условий, городского образа жизни.

В статье показаны изменения условий жизни в дальневосточных городах во второй половине XIX — начале XX в. Учитывая, что северные города до конца рассматриваемого периода так и не превратились в сколько-нибудь крупные поселения, акцент сделан на города юга Дальнего Востока России — Владивосток, Хабаровск, Благовещенск, Николаевск-на-Амуре и Никольск-Уссурийский.

На начальном этапе заселения дальневосточного региона жилищные условия в городах мало соответствовали городскому образу жизни. В 1860—1870-е гг. города и посты не слишком отличались от поселений сельского типа, они застраивались деревянными домами. Вплоть до начала XX в. большинство построек были мало приспособлены для жилья не только на окраинах городов, но и в центральных кварталах. По свидетельству современников, к моменту избрания г. Хабаровки в качестве места пребывания генерал-губернатора в 1884 г. фактически все частные здания здесь были деревянные и только пять из них имели каменные фундаменты. Часть строений сооружали упрощенным и удешевленным способом, это были полуземлянки-полуизбы — сырые, плохо отапливаемые².

Руководствуясь соответствующими законами и циркулярами Министерства внутренних дел, военные губернаторы областей уже в первые годы после основания городов издали ряд постановлений, согласно которым регулировались характер застройки, внешний вид зданий, ширина улиц и кварталов³. Однако постановления часто оставались только «на бумаге». Основные трудности в благоустройстве были связаны с бедностью обывателей, большую часть которых составляли нижние чины и ссыльно-

поселенцы, а от них трудно было ожидать соблюдения самых простых требований, предъявляемых к внешнему виду и размерам зданий⁴.

Начало каменного строительства приходится на конец 1870-х гг. Это были военные и административные здания, а также немногочисленные дома предпринимателей. Владивосток отличался довольно ранним и активным строительством кирпичных зданий (в 1877 г. в городе было 102 каменных и 333 деревянных здания)⁵, но в начале 1890-х гг. даже он предстает в весьма неприглядном виде: «Большинство домов, принадлежащие небогатому классу, деревянные; построены против всяких правил гигиены, весьма тесны, холодны и сыры. Строятся обыкновенно на скорую руку. Масса домов имеет позднейшие пристройки. Архитектура и стиль самые разнообразные. Хотя дома строились и строятся из бревен, но немало встречается и таких, наружные стены которых состоят только из одной плахи»⁶.

Во второй половине XIX в. состоятельные и среднеобеспеченные слои населения дальневосточных городов проживали в более комфортабельных жилищах — в деревянных одно- и двухэтажных домах с приусадебным участком, на котором располагались хозяйственные постройки — сараи, бани, сеновалы, конюшни, загоны для скота. В домах часто имелся подвал, который служил для хранения продуктов — картофеля и овощей, заготовленных на зиму, солений и пр. Купеческие дома возводились на главных улицах, причем фасадная часть отводилась под магазины и лавки, а в остальной части дома или на втором этаже жила купеческая семья. В центральных кварталах размещались административные и общественные здания и пр.

В начале XX в. каменная застройка центральной части городов существенно расширилась, что изменило их внешний облик. Изменение характера застройки наглядно можно представить на примере Владивостока. В 1886 г. в городе было 780 общественных и частных зданий, среди них преобладали деревянные (724 дома — 92,8%) и одноэтажные (757 — 97%). В 1906 г. во Владивостоке насчитывалось 2194 дома, в том числе 2029 жилых и общественных (из них 67% деревянных, 23,8% каменных и 9,2% деревянных на каменном фундаменте). Преобладали одноэтажные дома (83,1%), двухэтажных было сравнительно немного (14,3%), но при этом уже имелось 51 (2,5%) каменное здание в три этажа и выше. К 1914 г. число построек достигло 5726, в том числе 5243 жилых и общественных (из них 77,3% деревянных, 6,9% каменных, 15,8% деревянных на каменном фундаменте). Одноэтажная застройка по-прежнему преобладала (89,4%), хотя число двухэтажных домов выросло, их доля уменьшилась (8,7%), как и зданий в три этажа и выше — 99 (1,9%). Кроме рассмотренных зданий в городе были разнообразные нежилые строения хозяйственного назначения — мастерские, склады и пр., в основном одноэтажные⁷.

Двух-трехэтажные здания и выше находились в основном в центральных кварталах, составлявших историческое ядро. Каменные здания на главных улицах занимали военные, общественные и административные учреждения, гостиницы, рестораны, театры и др. Кроме того, здесь располагались доходные дома, первые этажи которых занимали магазины, лавки, парикмахерские и другие заведения торговли и сферы обслуживания, а верхние — квартиры, сдававшиеся в аренду.

В начале XX в. большая часть обеспеченных горожан проживала в квартирах двух-трехэтажных либо одно-двухэтажных каменных домов,

часто с мансардами и подвалами. Страницы дальневосточных газет пестрели объявлениями о сдаче квартир. Число комнат варьировалось от двух до семи-восьми, предлагались также комнаты с подселением, сдача одной — с проживанием в семье и даже питанием⁸. Выбор зависел от финансовых возможностей нанимателей жилья.

Окраины же сохраняли облик сельского поселения. Они по-прежнему были застроены в лучшем случае одноэтажными домами с приусадебными участками, имелись здесь и глинобитные постройки с соломенной крышей, и деревянные фанзы, и лачуги, сооруженные из плах и покрытые тесом. Строения располагались хаотично, самым причудливым образом, без улиц и переулков.

Своеобразный колорит внешнему виду городов придавали районы, заселенные преимущественно китайцами и корейцами. Во Владивостоке они проживали сначала в центральных кварталах, включавших улицы Пекинскую, Фонтанную, Семеновскую, Пологую и Комаровскую, а конце XIX в. были отселены в район улицы Последней, затем — в Куперовскую падь. В Никольске-Уссурийском первые азиатские кварталы располагались около китайского базара, в дальнейшем — в слободке на Фениной горе.

Китайские и корейские иммигранты проживали как в двух-трехэтажных каменных домах, так и в сооружениях фанзового типа. Условия проживания были самые неприхотливые, в комнатах и каморках могли одновременно спать несколько десятков человек. Теснота, грязь, духота, отсутствие элементарных удобств — неизменные спутники иммигрантов. Китайцы отличались способностью безмерно сокращать расходы на собственное проживание и пропитание. В результате эти кварталы становились рассадниками эпидемических заболеваний. Многочисленные попытки местной администрации и городских управ отселить их на окраины приводили, как правило, к тому, что китайцы и корейцы заселяли специально отведенные для них кварталы, при этом оставаясь и на старых местах⁹.

На окраинах, в том числе и в кварталах, отведенных для проживания иммигрантов, жилища строили самые разнообразные. Зажиточные китайцы возводили себе кирпичные дома, покрытые железом, но большинство построек были деревянные, покрытые тесом, встречались и вовсе непригодные для жилья сооружения — глинобитные или дощатые сараи, покрытые соломой или хворостом, времянки, землянки и полуземлянки.

Д. И. Шрейдер, посетивший Владивосток в конце 1890-х гг., был поражен состоянием китайских и корейских фанз: «...легкое деревянное строение с огромными щелями в стенах, беспорядочно залепленными землей или глиной, с крышей, прикрытой хворостом, обильно отягченным толстым слоем земли. Пол внутри — земляной, даже не освобожденный от верхнего травянистого слоя. Окон нет, двери также отсутствуют; вместо них — тряпичный или сделанный из грубой циновки полог или худо сбитые деревянные доски, не висящие на петлях, а только приставленные к дверному отверстию». Такая дверь не могла защитить от зимнего мороза и ветра, дующего почти непрерывно в течение всей продолжительной уссурийской зимы¹⁰.

По данным Ф. Л. Вильчинского, в 1903 г. русские строительные рабочие в городах Приморской области жили не лучше китайцев, в дощатых бараках сквозило, как и в китайских фанзах. В землянках было сыро, темно,

тесно, грязно и душно, в помещениях рабочих не было даже постели. Китайская артель нанимала повара, русские рабочие заботились о своем питании сами, после трудового дня им приходилось еще готовить пищу¹¹.

Кроме рабочих (китайских, корейских, русских) в дальневосточных городах проживало много других малообеспеченных категорий населения (ссыльнопоселенцев, отставных нижних чинов, крестьян), не имевших возможности построить собственный дом или арендовать помещение, сколько-нибудь пригодное для жизни. По мере роста населения расширялась трущобная застройка, самовольно, без разрешения городской управы занимались участки земли, где возводились самые непрезентабельные строения. Некоторые городские районы имели названия, говорящие сами за себя, например, Нахальная слободка во Владивостоке. В Хабаровске подобный район располагался в долинах рек Плюснинки и Чердымовки.

Лица, не имевшие жилья, могли воспользоваться ночлежками. В 1909 г. во Владивостоке ночлежный дом на Корейской улице был рассчитан на 70 чел. В нем имелись кухня, спальня и столовая для ночлежников, сушильня для одежды, квартира смотрителя. Кроватей в спальне не было, их заменяли нары с циновками и подушками, набитыми сеном. В ночлежные дома допускались несостоятельные обыватели, кроме китайцев и корейцев. Ночлег обходился посетителям в 5 коп., за эти же деньги утром давали чай, полфунта хлеба и кусок сахара¹². Столько же стоил приют и в Хабаровском ночлежном доме. Он был открыт в 1898 г. и размещался на Артиллерийской улице, в овраге у речки Плюснинки¹³. Подобные ночлежные дома содержались практически в каждом из дальневосточных городов.

Распространение трущобной застройки и организация ночлежных домов были неизбежным явлением в условиях высокой стоимости строительства жилья или его аренды. Цены на наемное жилье в крупных городах были очень высокими. Во Владивостоке в 1874 г., по данным городской управы, аренда квартиры составляла от 600 до 1000 руб. в год без оплаты отопления и освещения, которые могли обойтись еще примерно в такую же сумму¹⁴. В Хабаровске в 1894 г. наем двух-трехкомнатной квартиры обходился в 10—15 руб. в месяц, в 1896 г. — в 20—30 руб., в 1906 г. — в 12—50 руб.¹⁵

Эти данные можно сопоставить с жалованьем и заработной платой различных категорий населения. Например, в 1897 г. годовое содержание военного губернатора Приморской области составляло 10 тыс. руб., вице-губернатора — 4500 руб., делопроизводителя — 2800, полицейского надзирателя — 1000, преподавателя гимназии со стажем — 1250—1800 руб., учителя начального училища — 600—1000 руб.¹⁶ В 1911 г. во Владивостоке квалифицированным рабочим (машинистам, мозаичникам, котельщикам) платили 3,5 руб. в день (т.е. 70—80 руб. в месяц), чернорабочим — 1,5 руб. (30—35 руб.), мужской прислуге — 15—50 руб. в месяц, женской — 10—30 руб.¹⁷ Значительно выше были заработки у служащих коммерческих предприятий. При таких заработках арендовать приличное жилье могли только высокооплачиваемые чиновники, работники торговых фирм и квалифицированные рабочие; чиновники низшего ранга, чернорабочие, прислуга вынуждены были снимать жилье на окраинах, углы в квартирах, комнаты в подвальных или мансардных помещениях, стоившие значительно меньше.

Высокая стоимость аренды жилья объяснялась постоянным притоком в дальневосточные города временного населения. Процесс урбанизации неразрывно связан с увеличением мобильности населения, в города в поисках работы стекалось огромное количество пришлого люда — рабочие, служащие, торговцы, крестьяне, нищие и пр. Спецификой дальневосточных городов, по свидетельству современников, была особенно высокая степень непостоянства населения: «...постоянных жителей немного, громадное большинство прибывает сюда только на краткосрочную службу (5—10 лет) государственную, частную по торговым делам и на заработки. Большая часть родившихся здесь детей выбывает опять со своими родителями»¹⁸. Кроме того, города периодически поражали острые квартирные кризисы, когда спрос и соответственно цены на жилье резко возрастали. Например, с началом сооружения железной дороги увеличился наплыв рабочих и служащих на строительство, после русско-японской войны в городах скопилось множество военных.

Важным показателем качества жизни горожан было не только наличие и состояние жилья, но и бытовые условия проживания (освещение, снабжение питьевой водой, наличие канализации и очистка города от мусора, нечистот и пр.).

Во второй половине XIX в. для освещения жилых помещений горожане пользовались лучинами, сальными и стеариновыми свечами. В 1860—1880-е гг. отмечалось периодическое отсутствие в дальневосточных городах сальных свечей, доступных по цене, а также их низкое качество. Стеариновые свечи были дороже, и потому несостоятельные горожане не всегда могли их купить. В 1880 г. во Владивостоке один пуд сальных свечей стоил 12 руб., стеариновых — 18¹⁹.

С организацией рейсов Добровольного флота и после строительства железной дороги снабжение населения товарами первой необходимости улучшилось, цены несколько снизились. Цена за пуд стеариновых свечей в январе 1907 г. во Владивостоке колебалась от 7 руб. 50 коп. до 11 руб., в Хабаровске равнялась 12 руб., в январе 1914 г. во Владивостоке составляла 12—14 руб., в Хабаровске — 12 руб. 50 коп., в Никольске-Уссурийском — 12 руб., в Николаевске-на-Амуре — 8—12 руб.²⁰

Керосиновая лампа, изобретенная в 1853 г., в домах зажиточных горожан появилась в 1870—1880-е гг., однако не была широко распространена, малоимущие чаще пользовались свечами, состоятельные горожане, а также в административных и общественных местах — масляными лампами (или их разновидностью — лампами на фотогене). Например, в 1880 г. помещения Николаевской городской больницы освещались лампами, заправлявшимися фотогеном, и свечами. Лампы были настольные и висячие²¹. В конце XIX — начале XX в. керосиновые лампы стали достаточно обыденным явлением. Они были самые разнообразные — маленькие жестяные, большие с абажурами венецианского стекла, лампы в стиле модерн и рококо и др. Стоимость керосина в дальневосточных городах до открытия рейсов судов Добровольного флота и сооружения железной дороги была несколько выше, чем в Сибири и европейской части России. Во Владивостоке одна банка керосина в 1880 г. стоила 7 руб., а в 1914 г. — уже 2 руб. 65 коп.²²

Электричество в дома горожан пришло позже — в конце XIX — начале XX в., причем сначала оно появилось в гостиницах, магазинах, частных

конторах, военных и административных зданиях. В 1890-х гг. во Владивостоке первые небольшие электростанции начали работать в магазинах и конторе торгового дома «Кунст и Альберс», в Благовещенске — в зданиях торгового дома «И.Я. Чурин и К°», в Хабаровске — в казармах саперного батальона, затем на мельнице Тифонтия²³.

Строительство городских электростанций началось после русско-японской войны. В 1906 г. пущена в строй электростанция в Хабаровске, в 1907 г. — в Благовещенске, в 1909 г. — в Никольске-Уссурийском, в 1910 г. — в Николаевске-на-Амуре, в 1912 г. — во Владивостоке²⁴. Это существенно улучшило условия жизни горожан. Электрическим освещением обзавелись не только административные учреждения и торговые фирмы, но и большинство владельцев жилых зданий сначала в центральных кварталах городов, а затем и на окраинах. На улицах были установлены электрические фонари, хотя кое-где сохранялись и керосиновые. В Хабаровске, например, в 1911 г. в домах горожан горело уже 12 000 электрических лампочек, а улицы в 1913 г. освещали 54 электрических, 15 керосиновых и 20 керосино-калильных фонарей²⁵.

Стоимость электроэнергии во Владивостоке при наличии счетчиков составляла 28 коп. за кВт. час (свыше 100 кВт. час полагалась скидка), без счетчиков — за лампу в 16 свечей — 70 коп. в мес., 25 свечей — 1 руб., 32 свечи — 1 руб. 30 коп., 50 свечей — 1 руб. 70 коп., 100 свечей — 3 руб. 50 коп. Расчет производился не позднее пяти дней с начала месяца за истекший период²⁶.

Увеличение объемов каменного строительства, появление таких нововведений, как электрическое освещение, паровое отопление, частичный водопровод, привели к улучшению жилищных условий горожан, особенно состоятельных. В 1910-х гг. во владивостокских газетах появились многочисленные объявления, где предлагались квартиры и комнаты с удобствами — электрическим освещением, водяным (или паровым) отоплением. Такие дома были сосредоточены в центральных городских кварталах — на улицах Светланской, Алеутской, Семеновской, Пушкинской²⁷.

Наиболее комфортабельные гостиницы имели номера с электрическим освещением, паровым отоплением, водопроводом и ваннами. В 1911 г. во Владивостоке номера со всеми удобствами были в гостиницах «Централь», «Версаль», «Бывшая Романова» и др. В гостинице И.К. Боровикса «Крымские номера» на Морской улице около вокзала можно было снять комнату со всеми удобствами с оплатой от 1 до 3 руб. в сутки. В Хабаровске в 1914 г. в гостинице «Эспанад» номера со всеми удобствами стоили от 1 до 5 руб.

Паровое отопление имели некоторые образовательные учреждения, универсальные магазины крупных торговых фирм, общественные и административные здания. Однако оно было еще редкостью, большинство многоквартирных зданий с электрическим освещением отапливалось печами. Для отопления использовались дрова и уголь, которые хранились в сараях или подвалах.

В жилищах китайцев и корейцев для отопления сооружался кан. Д.И. Шрейдер подробно описывает подобный способ отопительной системы. Вместо печи во всю длину помещения была устроена большая лежанка наподобие нар или полатей. Под ней проводилась дымовая труба, выходящая наружу. У самого входа в фанзу в дымовой трубе находилось

отверстие, куда укладывались дрова. Когда они зажигались, горячий воздух, проходя под полатами, согревал их. Китайцы и корейцы, лежа на таких нарах, были вынуждены постоянно переворачиваться, так как согревался только один бок. Во всем остальном помещении обычно царил такой же холод, как и за тонкими стенами²⁸.

Для заготовки дров отводились специальные участки в окрестностях городов, военные губернаторы утверждали правила, регулировавшие их вырубку и вывоз. Согласно правилам, утвержденным военным губернатором Владивостока контр-адмиралом Фельдгаузенем 20 ноября 1881 г., жителям Владивостока вырубка строевого, дровяного и поделочного леса разрешалась при условии выборки соответствующего билета «...на всей северной части полуострова Муравьева-Амурского до границы Владивостокского губернаторства от возвышенностей, находящихся в трех верстах на север от р. Лучинзы или Шаморы, по речкам Лянчихэ, Тавайзе и в прочих прилегающих местах». Вывоз с места заготовки производился с 15 ноября по 15 мая в одну зиму, а весь лес, не вывезенный в этот срок, поступал в собственность казны. В ближайших окрестностях города можно было собирать только валежник, бурелом и деревья, засохшие на корню, но также при наличии билета²⁹.

В окрестностях Благовещенска леса было мало, поэтому дрова заготавливались и сплавлялись по р. Зее. Их можно было заготовить самостоятельно или приобрести на городских складах. Во Владивостоке в 1911 г. дровяные склады располагались около Гайдамакской пристани, на Мальцевском базаре, около городской больницы. Дрова стоили 9 руб. 75 коп. за погонную сажень, оплата производилась в городской управе, выдавались квитанции, по которым можно было получить на складе оплаченный товар³⁰.

В разных городах региона цены на дрова и уголь колебались в зависимости от привоза и спроса. Так, в 1914 г. в Хабаровске погонная сажень дров стоила 7—8 руб., Никольске-Уссурийском — 8—9, Николаевске-на-Амуре — 6—7 руб. За пуд каменного угля во Владивостоке надо было заплатить 20 коп., а в Хабаровске — 40 коп.³¹

Постоянной заботой городских властей и горожан было устройство отхожих мест и канализации, а также очистка города от нечистот. Состояние улиц и дворов регулировалось обязательными постановлениями для жителей городов, которые должны были содержать в чистоте не только дворы, удаляя мусор и навоз, но и прилегающие улицы, тротуары и сточные канавы³². Частная застройка сельского типа предполагала устройство туалетов (ретирад — как их тогда называли) и выгребных ям во дворах. Согласно постановлениям управы отхожие места обыватели должны были устраивать над ящиками, а не над ямами и оврагами, в которых имелись колодцы, чтобы избежать попадания сточных вод в них. Эти постановления часто не выполнялись. Так, городская управа Владивостока в отчете за 1884 г. писала: «Немало дворов, до сих пор остающихся не огороженными, без сточных канав, помойных ям и даже без отхожих мест»³³. Многие обыватели не делали во дворах выгребных ям, нечистоты и навоз скапливались и очищались крайне редко. Ретирадные места часто устраивались без ящиков и потому были неудобны для очистки³⁴.

Санитарное состояние улиц, дворов, жилищ Владивостока начала 1890-х гг. описывалось в справочной литературе того времени в весьма

неприглядном виде: «Удобств при домах никаких. Отхожие места крайне дурно устроены, очистка и вывоз нечистот сданы подрядчику; особенно неблагоприятные санитарные условия представляют манзовский квартал, Семеновский покос и слободки — Линейная и Матросская, которые по большей части состоят из фанз или жалких лачуг. Улицы трудно проходимы и грязны во всех отношениях. Устроенных отхожих мест, выгребных ям, водосточных труб и прочего нет. Жители этих слободок и кварталов — народ бедный, чернорабочий: манзы, корейцы, русские рабочие (их очень немного) и семейства нижних чинов. Все они живут очень тесно, скученно и в высшей степени грязно в своих или в нанимаемых фанзах»³⁵. Центральные кварталы выглядели, конечно, несколько благообразнее. Подобное состояние улиц и дворов в дальневосточных городах было обычным, весьма распространенным явлением.

Во второй половине XIX в. в жилых многоквартирных домах, а также в общественных учреждениях туалеты размещались как внутри, так и снаружи зданий. Они были оснащены выносными емкостями, которые периодически очищались, а отходы вывозились. Примером может служить устройство туалетов в образовательных учреждениях, тюрьмах. В 1889 г. в Николаевском трехклассном городском училище ретиреды располагались в теплой пристройке, имели небольшие выносные кади и от стульчаков в печку были проведены вытяжные трубы. Во Владивостокской прогимназии, а также в двух элементарных школах теплые туалеты были устроены внутри зданий, а вот в городском училище холодный туалет располагался во дворе на расстоянии 10 сажень. В тюрьмах и арестных домах в Николаевске-на-Амуре, Хабаровске и Владивостоке холодные ретиреды находились в тюремных дворах, очищались, как правило, ежедневно и периодически дезинфицировались карболовой кислотой; на ночь в камеры ставились деревянные параша с крышками или деревянные кади³⁶.

Очистка улиц и дворов от мусора, а также помойных ям и ретиредных мест от нечистот производилась так называемым ассенизационным обозом. На эту работу подрядчик, получавший соответствующий подряд от управы с торгов, нанимал рабочих, возчиков с лошадьми и специальной телегой и следил за качеством и сроками исполнения работы. Согласно требованиям городской управы телега должна быть снабжена ящиком для нечистот. Ящик необходимо периодически мыть и дезинфицировать. Отхожие места во дворах очищали два раза в неделю. В каждом городе для этих работ устанавливалось определенное время: во Владивостоке (1880-е гг.) в ночное время, с 11 вечера до 5 утра; в Хабаровске (конец 1890-х) — с 9 до 14 и с 17 до 20 часов³⁷.

Мусор вывозился на окраины городов в места, специально определенные управой. Во Владивостоке для этих целей был отведен участок на берегу Амурского залива за Куперовской падью, однако эти правила не всегда соблюдались: горожане зимой выбрасывали мусор на лед Амурского залива, рассчитывая, что весной его унесет в море. В Благовещенске, Хабаровске, Николаевске-на-Амуре в обход запретов мусор вывозился на лед Амура. В Хабаровске в конце XIX в. для вывоза нечистот были отведены два места: на Военной горе за кладбищем, в одной версте от станции Хабаровск и на Артиллерийской горе в местности Крутой лог³⁸. Свалки на окраинах быстро расширялись, а город, разрастаясь, вплотную подступал

к местам свалок, поэтому власти вынуждены были периодически переносить их все дальше от заселенных кварталов³⁹.

Очистка города от нечистот, как и остальные сферы городского хозяйства, постепенно развивалась и улучшалась. Положительные изменения можно проследить на примере г. Владивостока. В 1884 г. очисткой города занимались частные предприниматели, сформировавшие для вывозки нечистот обоз из четырех пароконных подвод с ящиками. В начале 1890-х гг. эти обязанности исполняли ссыльнокаторжные, жившие в поселке в долине Первой Речки, и китайцы, руководимые подрядчиком. В начале XX в. очистка производилась двумя способами: подрядным в восточной части (предприниматели получали подряды с торгов) и хозяйственным — в западной (обоз содержался на средства города). Плата за очистку туалетов составляла со взрослого 60 коп., с детей 8—15 лет — 30 коп., за очистку помойных ям и мусора со взрослого 1 руб. 20 коп., с детей — 60 коп., при оплате за воз — 40 коп. с ящика или бочки, с гостиниц, трактиров, магазинов плата взималась по соглашению. Объемы работ, выполняемых городским ассенизационным обозом, постоянно росли, что требовало увеличения количества телег⁴⁰.

К 1910 г. очистка города от нечистот производилась по-прежнему, однако уже имелась и частичная канализация⁴¹. Сначала канализация и водопровод были устроены владельцами многоэтажных зданий — доходных домов, гостиниц, крупных магазинов. Вода поступала из артезианских скважин, которые частные лица бурили за свой счет, а стоки выводили в специально сооруженные коллекторы. Подряды на подобную работу чаще всего получали китайские предприниматели, нанимавшие в качестве рабочих своих соотечественников. Они не только занимались очисткой и вывозом, но и при необходимости чистили канализационные каналы и коллекторы. Работа эта была не только трудной и грязной, но иногда и опасной. В 1911 г. два китайца, спустившиеся в канализационный сток для очистных работ, погибли, отравившись ядовитыми испарениями⁴².

К 1919 г. в ведении различных учреждений и частных владельцев города было 13 отдельных коллекторов, по которым нечистоты сбрасывались в Амурский залив и бухту Золотой Рог. Но в основном они вывозились городским ассенизационным обозом, который состоял из 56 выездов и при пяти оборотах давал 264 подводы ежедневно, что было недостаточно для города, так как заявок от обывателей поступало более тысячи ежедневно.

Другим важнейшим элементом городского быта было снабжение водой. Население городов, расположенных вдоль рек, пользовалось проточной водой, а также из колодцев. Благовещенск не имел проблем с обеспечением водой, кроме рек здесь было много колодцев с хорошей водой на глубине от 3 до 4 сажень⁴³. Жители Николаевска-на-Амуре воду использовали из Амура, только во время хода рыбы на нерест — из городских колодцев. По мере роста населения, расширения городской территории и удаления от рек в дальневосточных городах начинались трудности с водоснабжением. Выход из положения находили в основном в постоянном увеличении числа колодцев.

В Хабаровске проблем с водоснабжением не существовало до тех пор, пока городские кварталы располагались вдоль Амура и недалеко от речек Чердымовки и Плюсники. Снабжением горожан водой занимались водоносы и водовозы, труд их в условиях сложного рельефа, плохих до-

рог был нелегким. Цена на воду колебалась в зависимости от сезона и состояния погоды от 5 до 7 коп. за ведро⁴⁴. По мере расширения городской территории, роста населения и загрязнения речек появились трудности в снабжении водой. Городские власти предпринимали немало усилий для увеличения объемов получаемой воды и улучшения ее качества — сооружались открытые и закрытые колодцы, последние снабжались как ручными, так и паровыми машинами для подачи воды, на берегу Амура была устроена водокачка, позволявшая подавать по трубе воду с глубокого места реки⁴⁵.

Хабаровск учитывая его административный статус (центр генерал-губернаторства), был одним из первых дальневосточных городов, который обзавелся водопроводом, сооруженным на городские средства. В этом начинании он опередил и многие сибирские города, в том числе губернские и областные центры⁴⁶. Прокладка водопровода, строительство насосной станции и водонапорных башен производились в течение 1906—1907 гг. В 1908 г. его мощность составила 120 тыс. ведер воды, но фактически расходовалось не более 50 тыс. Обыватели стали меньше пользоваться услугами водовозов, предпочитая брать воду из водопроводных колонок по талонам из расчета по полкопейки за ведро. Вода на станции фильтровалась и обеззараживалась согласно рекомендациям городского санитарного врача, что способствовало уменьшению желудочно-кишечных заболеваний и эпидемий тифа, холеры и пр.⁴⁷

Владивосток испытывал трудности с водоснабжением практически с начала своего существования из-за особенностей рельефа и гидрографических свойств местности. В 1860—1880-е гг. небольшие реки, которые могли служить источниками пресной воды, находились на окраинах фактически за городской чертой: Первая Речка — на северной окраине, в 3,5 верстах от города, речки Объяснения и Буяковка — на западной, в 2 верстах от слободок, отведенных под заселение военных — офицеров, нижних чинов, персонала морского госпиталя. Центральные, наиболее заселенные кварталы фактически были лишены естественных источников пресной воды⁴⁸. Число общественных колодцев росло постоянно (в 1884 г. — 16, в 1886 г. — 43, в 1890 г. — 43 и 8 артезианских скважин, в 1906 г. — 45 и 8, в 1916 г. — 247 и 46 скважин)⁴⁹, но не могло удовлетворить потребностей быстро растущего населения. Многие колодцы не отвечали санитарным требованиям: неглубокие и плохо устроенные (низкие и дырявые срубы, через которые во время ливней потоки грязной воды попадали в колодец).

Кроме общественных в городе были частные колодцы на приусадебных участках обывателей, казенные, сооруженные военными в местах размещения казарм, кроме того, владельцы некоторых предприятий (магазинов, гостиниц, бань) сооружали колодцы и бурили скважины для своих нужд. Например, в 1889 г. во Владивостоке кроме 24 общественных колодцев было 74 частных⁵⁰.

Периодически случавшиеся засухи или холодные зимы приводили к катастрофическим ситуациям. Зима 1888/89 г. выдалась бесснежной, а лето 1889 г. — жарким и без дождей, поэтому все колодцы в городе пересохли, зимы 1897/98 г. и 1910/11 г. были очень морозными, колодцы перемерзли, и город остался без воды, ее с трудом добывали из окрестных речек, которые обмелели или перемерзли⁵¹.

В этих условиях городские власти неоднократно ставили вопрос об улучшении водоснабжения. Проекты устройства водопровода рассматривались в 1890 г., в 1901—1902 гг. — из бассейна Первой Речки, в 1908—1910 гг. — из бассейна р. Седанки, но так и оставались нереализованными. В 1914 г. был образован особый Комитет по исследованию водоносности города и его окрестностей, в 1915—1917 гг. обследованы бассейны Первой и Второй Речек и некоторых других мест на городской территории, однако в связи с прекращением финансирования после Февральской революции 1917 г. практическое разрешение задачи снабжения Владивостока водой осталось неосуществленным⁵².

Раньше городских властей эту проблему начали решать разные ведомства. Железнодорожное ведомство для собственных нужд провело водопровод из Первой Речки, и с 1903 г. паровозы заправлялись водой в городе. Впоследствии от него были сделаны водоотводы для снабжения водой порта, городской больницы и др. Морское ведомство устроило три пруда-накопителя в долине речки Буяковки и водопровод для обеспечения водой минно-торпедного батальона, госпиталя, флотского экипажа, военного порта. Мощность ведомственных водопроводов была невелика, поэтому растущий спрос частных потребителей удовлетворить они не могли. Состоятельные домовладельцы в центральной части города устроили несколько десятков буровых колодцев, обслуживавших торговые заведения, гостиницы, дорогие квартиры и т.п.

В этих условиях большое значение имели водовозы и водоносы. В начале XX в. немногих водовозов во Владивостоке содержали, как правило, частные фирмы или административные учреждения. Водоносы же в условиях сложного рельефа Владивостока были незаменимы. Занимались этим промыслом исключительно китайцы, они разносили воду по домам в ведрах за 3—4 руб. в месяц. Стоимость одного ведра воды в 1906 г. составляла летом 2—3 коп., зимой — 5—12 коп.⁵³

Водоносы организовали артели под руководством старшины, который совмещал обязанности эконома, бухгалтера, примирителя в случае ссор и недоразумений, распорядителя работ и посредника в переговорах с клиентами. Артель обслуживала целый квартал самых разных клиентов, переговоры с ними вел старший, он же объяснял водоносам условия работы и характер клиента. Труд водоноса был очень тяжелым. Летом он в день доставлял не менее 40 ведер воды, а иногда и 80; зимой — не менее 30, но обычно 50—60 ведер. Зимой рабочий день начинался с часу — двух ночи и продолжался до 8—10 час. вечера, летом — с 3—4 часов утра и до 7—8 вечера. Изнурительный труд в зимнее время был связан с недостатком воды⁵⁴.

Качество воды покупатели контролировать не могли и полагались на добросовестность водоносов, которая чаще всего не оправдывалась. Современники отмечали, что водоносы брали воду не только из городских колодцев. В дождливые дни вода в колодцах, речках и ручьях становилась мутной от грязевых потоков, стекавших с сопок. Нередко китайцы опускали в колодец грязные ведра⁵⁵.

В конце XIX — начале XX в. в дальневосточных городах появился телефон, сначала в общественных местах — административных учреждениях, магазинах, гостиницах, ресторанах, коммерческих фирмах, у частнопрактикующих врачей и юристов, а затем и в квартирах зажиточных

горожан. Телефонная связь была далека от современной — абонентов связывал коммутатор. Оплата вносилась в городскую управу.

В Благовещенске телефонная связь начала действовать с 1 декабря 1896 г. Центральная станция обслуживала не только городские кварталы, но и пригород — одна линия шла к Астраханскому затону, другая — к лагерю Амурского конного казачьего полка⁵⁶. Сначала в городе было 100 абонентов, в 1905 г. — 360, в 1910 г. — 553⁵⁷. Абоненты разделялись на две категории в зависимости от расстояния до центральной станции: первая — до двух верст, вторая — свыше двух верст. Плата за пользование телефоном для абонентов первой категории составляла в частных квартирах 60 руб., в административных учреждениях, торговых, промышленных заведениях, банках, гостиницах, ресторанах — 75 руб. Абоненты второй категории платили 75 руб. с добавлением по 3 руб. за каждые 100 саженей сверх первых двух верст⁵⁸.

В Хабаровске в конце 1890-х гг. существовала военная телефонная связь, станция которой находилась в окружном штабе, в сентябре 1900 г. к этой сети подключились административные учреждения. Городская же сеть начала действовать с 1905 г. 26 октября 1904 г. городская дума утвердила правила пользования телефоном. В 1906 г. было 155 абонентов, в 1910 г. — 520, плата составляла 75 руб. в год⁵⁹.

Владивостокская городская телефонная линия построена в 1907 г., до этого в городе существовала сеть, связывавшая только главные административные, военные, портовые учреждения. Число абонентов непрерывно росло: в 1907 г. — 478, в 1909 г. — 539, 1910 г. — 591, 1911 г. — 728, в 1914 г. — 996⁶⁰. В Никольске-Уссурийском телефон в административных учреждениях начал работать 15 ноября 1912 г.⁶¹

Появление телефона в дальневосточных городах улучшило бытовые условия проживания состоятельных горожан, ускорило решение насущных проблем: по телефону можно было записаться к врачу или вызвать его на дом, заказать и купить товар в универсальном магазине, позвонить в пожарную часть или полицию и др.

Таким образом, за рассматриваемый период дальневосточные города существенным образом изменились: городская территория быстро расширялась, число строений постоянно росло, достигнув к 1914—1915 гг. нескольких тысяч. Если на начальном этапе освоения региона города и военные посты не слишком отличались от сел и деревень, то в начале XX в. только окраины продолжали сохранять вид сельского поселения, раскинувшегося на значительной территории. Центральные кварталы приобрели вполне городской вид — плотная каменная застройка, мощные или шоссированные улицы, бетонные тротуары или деревянные мостки, площади и сады, столбы с электрическими и телефонными проводами. Вечерами в окнах зданий на центральных улицах зажигался электрический свет, а улицы освещались электрическими и керосиновыми фонарями. Состоятельные горожане проживали в домах с электрическим освещением, паровым отоплением, водопроводом и канализацией. Подобные нововведения отмечены также в торговых, общественных и административных зданиях, некоторых образовательных учреждениях. И хотя большинству обывателей они были недоступны, их появление свидетельствовало о кардинальном изменении бытовых условий жизни в дальневосточных городах.

- ¹ РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 13, л. 31, 63; ф. 704, оп. 1, д. 41, л. 3—Зоб.; Обзор Приморской области за 1912 год. Владивосток, 1913. Прил. 2; Приложение к Всеподданнейшему отчету военного губернатора Амурской области за 1912—1913 гг. Благовещенск, 1915. Табл. 3 (если в 1868 г. в числе жителей учтены размещенные в городе войска, то статистические данные, публикуемые после русско-японской войны, не включали сведений о числе войск в городах).
- ² Бодиско А.М. Из жизни Хабаровска. Хабаровск, 1913. С. 37.
- ³ Благовещенску 100 лет: сб. док. и материалов. Благовещенск, 1959. С. 26—27; РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 12, л. 9; д. 16, л. 5.
- ⁴ Там же. Ф. 28, оп. 1, д. 92, л. Зоб.; ф. 704, оп. 1, д. 3, л. 12—13.
- ⁵ Там же. Д. 20, л. 12, 31.
- ⁶ Прик А.Е., Беляев А.Д. Владивосток и Южно-Уссурийский округ Приморской области: Путеводитель и справочная книга с приложением Адрес-календаря г. Владивостока и проч. СПб., 1891. С. 10—11.
- ⁷ Первый выпуск журналов заседания Междуведомственной комиссии во Владивостоке по урегулированию земельных отношений города Владивостока с ведомствами. Владивосток, 1915. Прил. 4. С. 58.
- ⁸ Далекая окраина. Владивосток, 1911. 12, 20 июля, 3 авг.
- ⁹ Нестерова Е.И. Страницы истории создания китайских кварталов в русских дальневосточных городах в конце XIX— начале XX в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2001. Вып. 2. С. 57—62; Сорокина Т.Н. К вопросу о благоустройстве китайского квартала в Благовещенске. 1912—1914 гг. // Там же. С. 63—68; Яворская Е.Д. Деятельность Владивостокского городского управления по регламентации проживания китайского населения (вторая половина XIX— начало XX в.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2002. Вып. 3. С. 359—365.
- ¹⁰ Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток. СПб., 1897. С. 17—18.
- ¹¹ Вильчинский Ф.Л. Рабочие силы промышленных предприятий Приморской области: стат. исслед. Владивосток, 1904. Пояснительная записка. С. 8—9.
- ¹² Хисамутдинов А.А. Владивосток: Этюды к истории старого города. Владивосток, 1992. С. 247.
- ¹³ Приамур. ведомости. Хабаровск, 1914. 5 окт.
- ¹⁴ РГИА ДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 4, л. 89 об.
- ¹⁵ Приамур. ведомости. 1898. 10 мая; 1906. 1 янв.
- ¹⁶ Поповичева Ю.Н. Дальневосточное чиновничество во второй половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2003. С. 57—58.
- ¹⁷ Обзор Приморской области за 1911 г. Владивосток, 1912. Прил. 13. С. 2.
- ¹⁸ Прик А.Е., Беляев А.Д. Владивосток и Южно-Уссурийский округ... С. 15.
- ¹⁹ Скальковский К. Русская торговля в Тихом океане. СПб., 1883. С. 495.
- ²⁰ Листок Приморского областного статистического комитета. Владивосток, 1908. № 1—2. С. 50; № 3—4. С. 39; Обзор Приморской области за 1913 год. Владивосток, 1915. Прил. 17. С. 4.
- ²¹ РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 744, л. 216—216 об.
- ²² Скальковский К. Русская торговля... С. 494; Обзор Приморской области за 1913 год. Владивосток, 1915. Прил. 17. С. 2.
- ²³ Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока. Владивосток, 1990. С. 226, 254; Приамур. ведомости. 1897. 16 нояб.
- ²⁴ РГИА ДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 408а, л. 51; Вежновец А.Ф., Крадин Н.П. Записки краеведов. Хабаровск, 2000. С. 38; Благовещенску 100 лет. Благовещенск, 1958. С. 110, 115, 121—122; Коляда А.С., Кузнецов А.М. Никольск-Уссурийский: штрихи к портрету. Уссурийск, 1997. С. 140—141.
- ²⁵ Сергеев О.И., Лазарева С.И., Тригуб Г.Я. Местное самоуправление на Дальнем Востоке России во второй половине XIX— начале XX в. Владивосток, 2002. С. 159.
- ²⁶ Далекая окраина. Владивосток, 1911. 3 авг.
- ²⁷ Там же. 12 июля, 3 авг.
- ²⁸ Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток...

- ²⁹ РГИА ДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 54, л. 123.
- ³⁰ Далекая окраина. 1911. 4 окт. С. 4.
- ³¹ Обзор Приморской области за 1913 год. Владивосток, 1915. Прил. 17. С. 2, 4.
- ³² РГИА ДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 54, л. 41—43 об.; д. 92, л. 72—76.
- ³³ Там же. Д. 92, л. 3об.—4.
- ³⁴ Бодиско А.М. Из жизни Хабаровска. С. 38.
- ³⁵ Прик А.Е., Беляев А.Д. Владивосток и Южно-Уссурийский округ... С. 10—11.
- ³⁶ РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 1153, ч. 2, л. 350—358.
- ³⁷ Приамур. ведомости. 1897. 16 нояб.; РГИА ДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 92, л. 74.
- ³⁸ Приамур. ведомости. 1896. 5 мая.
- ³⁹ РГИА ДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 92, л. 9 об.; Прик А.Е., Беляев А.Д. Владивосток и Южно-Уссурийский округ... С. 3.
- ⁴⁰ Систематический сборник постановлений Владивостокской городской думы за 1901—1912 гг. Владивосток, 1913. С. 556.
- ⁴¹ Города России в 1910 году. СПб., 1914. С. 1028—1029.
- ⁴² Далекая окраина. 1911. 19 июля.
- ⁴³ Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882. С. 369.
- ⁴⁴ Востриков Л.А., Востоков З.В. Хабаровск и хабаровчане: Очерки о прошлом. Хабаровск, 1991. С. 21—22.
- ⁴⁵ Приамур. ведомости. 1897. 9 нояб.; 1898. 22 марта.
- ⁴⁶ В Томске водопровод появился раньше, в 1905 г., а к 1910 г. в Сибири водопроводы были в 5 городах (Тобольске, Тюмени, Томске, Красноярске и Иркутске). См.: Гончаров Ю.М. Благоустройство городов Сибири во второй половине XIX—начале XX в. // Сибирский город XVIII—начала XX веков: сб. ст. Иркутск, 2005. Вып. 5. С. 47.
- ⁴⁷ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1911 год. СПб., 1910. С. 351; Востриков Л.А., Востоков З.В. Хабаровск и хабаровчане... С. 38—39; Вежновец А.Ф., Крадин Н.П. Записки краеведов. С. 39—40.
- ⁴⁸ Прик А.Е., Беляев А.Д. Владивосток и Южно-Уссурийский округ... С. 11.
- ⁴⁹ Березовский А.А. К вопросу об экономическом и торгово-промышленном развитии порта и города Владивостока. Владивосток, 1907. С. 20.
- ⁵⁰ Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк. С. 211.
- ⁵¹ РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 1153, ч. 2, л. 346 об.—347; Владивосток: штрихи к портрету. Владивосток, 1985. С. 64—65, 199; Сергеев О.И., Лазарева С.И., Тригуб Г.Я. Местное самоуправление на Дальнем Востоке... С. 150—152.
- ⁵² РГИА ДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 358, л. 105—114; Владивосток: штрихи к портрету..
- ⁵³ Березовский А.А. К вопросу об экономическом и торгово-промышленном развитии порта...
- ⁵⁴ Вильчинский Ф.Л. Рабочие силы промышленных предприятий... С. 5—8.
- ⁵⁵ Хисамутдинов А.А. Владивосток... С. 244.
- ⁵⁶ Летопись Амурской области. Благовещенск, 1998. Т. 1. С. 36; Благовещенску 100 лет: сб. док. и материалов. С. 51—52; РГИА ДВ. Ф. 1197, оп. 2, д. 10, л. 460—462.
- ⁵⁷ ГААО. Ф. 8-и, оп. 1, д. 57, л. 1—4; Обзор Амурской области за 1910 год. Благовещенск, 1911. Прил. 26.
- ⁵⁸ Обзор Амурской области за 1910 год. Благовещенск, 1911. Прил. 26.
- ⁵⁹ Востриков Л.А., Востоков З.В. Хабаровск и хабаровчане... С. 31; Города России в 1906 году. СПб., 1906. С. 428—429; Города России в 1910 году. СПб., 1914. С. 1039.
- ⁶⁰ Систематический сборник постановлений Владивостокской городской думы за 1901—1912 гг. Владивосток, 1913. С. 418.
- ⁶¹ Обзор Приморской области за 1912 год. Владивосток, 1913. С. 55.

SUMMARY: The author of the article “Housing and Living Conditions in the Far Eastern Towns (the Second Part of the 19th—the Early 20th cc.)”, Candidate of Historical Sciences Tatyana Poznyak draws a conclusion that at this period Far Eastern towns had many changes: their areas were quickly expanded, there appeared electricity, central blocks of buildings looked more like city blocks ones, etc. It was evidence of cardinal changes of conditions of life in the Far Eastern towns.